

РАЗДЕЛ III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ

*ББК 87.4, 81
УДК 16, 80*

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_75

*А. С. Соколов¹
Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)
185910, Россия, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
assokolov@list.ru*

МНИМАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЛОГИКО- АРГУМЕНТАТИВНЫХ И КУЛЬТУРНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ. «РАЦИОНАЛИЗМ» И «ГУМАНИЗМ» (ЧАСТЬ 2)

В статье рассматриваются некоторые, пока недостаточно детально проработанные в научной литературе вопросы языковой прагматики. Автор поднимает проблему внутренней согласованности таких фундаментальных регулятивных принципов дискурсивной коммуникации, как «рационализм» и «гуманизм». Насколько неизбежно противоречиво их сочетание? Обязательно ли, что рационально хорошо организованный, логически корректный и прагматически эффективный в силу своей высокой аргументативной убедительности тип дискурса неизбежно вынужден быть ущербным в этическом и антропологическом его аспектах, антигуманным и дискриминационным по отношению к интересам его адресата, а безупречный с морально-гуманистической точки зрения – логически рыхлым, слабо убедительным и малоэффективным для достижений субъективных целей говорящего? Является ли человеческий разум по самой своей природе лишь этически нейтральным средством достижения любых, в том числе откровенно эгоистических,

¹ Соколов Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

аморальных и антигуманных, целей применяющего его субъекта, лишь инструментом манипулятивного воздействия на партнера по коммуникации, или же некоторые атрибутивные логические его особенности с необходимостью налагают существенные и неустраняемые ограничения на целевой порядок его коммуникативного употребления, превращая рационально организованный и прагматически эффективный способ построения дискурсивной коммуникации одновременно и в недискриминационный для всех её участников, соответственно и во вполне гуманный и этически безупречный?

Анализ наиболее распространенных в дискурсивной практике моделей межлического общения (условно обозначенных как «этическая», «метафизическая» и «рациональная») приводит автора настоящей статьи к выводу об изначальной дружественности человеку «рассудочной», рационально организованной, её модели, о малой эффективности нашего Ratio в качестве инструмента антигуманного манипулятивного давления на социального партнера, но зато его ярко выраженной способности быть надежным оплотом экзистенциальной человеческой самобытности и достоинства, его пригодности служить умело пользующемуся собственными умственными способностями индивиду эффективным орудием защиты своих неотчуждаемых прав и личных интересов.

Ключевые слова: гуманизм, рациональность, аргументация, дискурс, коммуникация

*Посвящается памяти крупного
петрозаводского и российского философа
Александра Павловича Барчугова (1946-2005),
мыслям которого были бы созвучны некоторые
из высказанных здесь соображений*

Перебирая различные модели дискурсивной практики, мы подошли, наконец, к той из них, которая во все времена в первую очередь и ассоциировалась с идеей человеческой рассудительности. Чаще всего она в обиходе именуется «рассудочной», «инструментальной», «прагматической» (или даже «утилитарной»), «здравым смыслом» и т. п. Если обращать внимание на сугубо логическую сторону дела (игнорируя посторонние, обусловленные различными социокультурными обстоятельствами и при этом не самые возвышенные, хотя и весьма значимые сами по себе смысловые коннотации), такие исторически сложившиеся номинации

с изрядной долей условности нами принимаются и, за отсутствием более подходящих и привычных, в настоящей статье будут употребляться.

Разбираемая дискурсивная модель представляет собой последовательность построенных на фактуально-эмпирических посылах умозаключений не о целях, к которым некоторому субъекту надлежит стремиться, а о тех действиях, которые ему необходимо (полезно) было бы предпринять, чтобы достичь преследуемых им целей (как вариант – целей того сообщества, с которым он себя субъективно ассоциирует и интересам которого стремится содействовать). Поскольку «необходимость» здесь выступает в сугубо технологическом, каузально-результативном, а не в морально-этическом, правовом, сакрально-мистическом или ином деонтологическом качестве, такой способ рассуждений не противоречит ни Юмову, ни какому-либо иному логическому запрету, и потому именно он всегда справедливо квалифицировался как безукоризненно рациональный.

Что же касается гуманистической стороны вопроса, то пригодность некоторого способа построения коммуникативного дискурса быть использованным адресату во зло, стать орудием властного управления его сознанием и поведением, стоило бы обсуждать всерьез только в случае, когда с помощью некоторых доводов (в нашем случае – доводов логически корректных, «рациональных») другого человека можно было бы убедить (или он сам себя смог бы ими убедить в некоем мазохистском припадке автосуггестивного манипулирования) в том, что он:

– либо заблуждается в понимании подлинного содержания своих желаний (заблуждается по сути или хотя бы в вопросе об их субординации, не умеет верно расставить приоритеты, отделить важное от второстепенного, сиюминутное от долгосрочно-стратегического);

– либо руководствуется не самыми достойными целями (существуют, дескать, цели и другие, более заслуживающие реализации; именно на них уважающему себя человеку и следовало бы сосредоточить свои усилия).

Если бы некоторый способ аргументации в самом деле был способен вынудить индивида изменить первоначальные намерения и, приняв навязанные ему извне цели в качестве своих, совершить действия в ущерб собственным интересам, то его, конечно, вполне правомерно было бы расценивать как манипулятивный и антигуманный. Однако способен ли в самом деле на это разбираемый тип дискурсивной практики?

Разумеется, «инструментальному» (прагматически ориентированному и только с эмпирически наблюдаемыми объектами имеющему дело) разуму вполне по силам решить задачу функциональной субординации преследуемых человеком целей, равно как и разработать программу действий, необходимых для достижения любых (потенциально осуществимых) из них. Обе задачи логически однотипны, обе решаются посредством анализа фактуальных обстоятельств, каузально однотипным образом обуславливающих как логически просчитываемую результативность действий, предпринимаемых человеком для достижения поставленных целей, так и функционально-технологическую субординированность (первичность/производность) самих этих целей. При этом применять рационально-прагматическую аргументацию означает приводить эмпирически проверяемые доводы, что – без сознательного искажения фактов или нарушения правил логики – делает принципиально невозможным обман собеседника. Апеллируя к тем же фактуально-эмпирическим данным, что и те, которыми оперирует «обманщик-манипулятор», руководствуясь теми же, что и он, логическими правилами их (этих данных) осмысления, человек способен осуществлять успешную контраргументацию, причем используя (в отличие от ранее рассмотренного примера «метафизической» дискуссии) вполне рациональные, логически корректные средства. Таким образом, методологическая однотипность, с которой разум решает проблемы как функциональной субординированности выдвигаемых человеком целей, так и оптимального подбора средств (технологии, методики) их достижения, делает указанную рационально-прагматическую аргументацию «безопасной» для индивида по крайней мере со стороны целедостижения. Сколь же велика тогда была бы потенциальная ее опасность для человеческой свободы в аспекте целеполагания, если бы эта аргументация была использована «не по назначению», а как инструмент манипулятивного воздействия на аудиторию? Сразу ответим, что и эта опасность невелика.

В самом деле, своими желаниями, намерениями, убеждениями и прочими целевыми установками (как, впрочем, и своей личностной индивидуальностью вообще (см., напр.: [7, 38–39])) человек не в силах распоряжаться столь же произвольно и самовластно, как, например, способен это делать владелец с принадлежащим ему на правах частной собственности имуществом. За ситуативно всегда обусловленными *целями* стоят более фундаментальные мотиваторы человеческой жизнедеятельности – *потребности*, которые, даже когда они

реализуют себя в осознанной форме¹, как *интересы*, всегда объективны по происхождению и содержанию и обусловлены в конечном счете закономерными особенностями как окружающей индивида среды, так и его собственной телесной природы. Как бы по-разному человек ни интерпретировал свои подлинные потребности, «отменить» с помощью каких-либо рациональных (или не очень) доводов само ощущение своей нуждаемости в чем-то, перестать желать то, чего ему недостает, он вряд ли способен.

Поэтому, даже если бы посредством некоторых рациональных (или кажущихся таковыми) аргументов человека и удалось бы убедить (или он сам себя смог бы убедить) в том, что одни цели чем-то лучше (важнее) других и что ему стоило бы добровольно отказаться

¹ В процессе осознания объективные человеческие потребности могут получить и неадекватное, превратное толкование их носителем, причем не только в силу вполне естественных субъективных ошибок самого интерпретатора, но и по причине объективной заинтересованности в таком толковании со стороны классовых групп, различных социальных институтов, государства, а то и всей социальной системы в целом, могущей успешно функционировать порою лишь при условии неадекватного понимания ее агентов своей действительной роли в процессе этого функционирования (подробнее см.: [5, 386-387]). Бесспорно, свою лепту в процесс генерирования таких объективно заданных неадекватностей, идеологических иллюзий, «превращенных форм» общественного сознания и ложно понятых личных интересов способен вносить и человеческий рассудок. Участвуя в процессе вторичной «рационализации», а значит, и легитимации, обоснования и оправдания всех тех иллюзий и мнимостей, которые скрывают и маскируют собой подлинное содержание общественных отношений, он в этом случае демонстрирует себя уже в качестве орудия манипулятивного (пусть и непреднамеренного) давления на человека. Однако пространство проявления именно таких – не самых благородных и гуманных – способностей человеческого сознания не слишком широко: субъективное истолкование людьми исполняемых ими ролей и функций хотя и не обязано полностью совпадать с их подлинным, объективным содержанием, но и не может ему противоречить полностью: в противном случае осознанность всех этих социальных ролей и функций оказалась бы не условием, а исключительно препятствием к их реализации, так что общественным отношениям лучше было бы в этом случае и вовсе оставаться неосознанными. К тому же, вовлекаясь в работу по разработке и оправданию очередных идеологем, нашему рассудку приходится изменять самому себе, пользоваться не строго рациональными (логически правильными и фактуально подкрепляемыми) доводами, а приемами скорее квазирациональными, паралогическими, порой лишь эмоционально-риторическими, аргументативная несостоятельность которых для квалифицированного критика очевидна. Когда же человеческое мышление желает мобилизовать весь потенциал своей рассудительности, оно оказывается вполне способным и на логически убедительное разоблачение любых идеологических фантомов, «превращенных форм» сознания и практики, и даже на научно обстоятельное объяснение самого социального механизма их формирования. (К примеру, осуществленный К. Марксом теоретический анализ т. н. «товарного фетишизма», «превращенных форм» капиталистического производства (прибыли, цены, банковского процента, ренты, заработной платы) высокий демистифицирующий («критический») потенциал нашего разума подтверждает вполне наглядно).

от субъективно более привлекательных вторых в пользу объективно более значимых первых, осуществить такую переориентацию на практике ему было бы невероятно трудно (без дополнительного эмоционально-волевого усилия, посредством одних только доводов разума – вообще невозможно). Одного этого обстоятельства уже было бы достаточно, чтобы к манипулятивным возможностям «инструментального разума» отнести с большим скепсисом. Впрочем, можно привести не только психологические, но и логические основания для подобного скепсиса.

Допустим (пусть и, скорее всего, только в качестве ирреального условия), что с помощью некоторых аргументов удалось бы рационально обосновать превосходство одних целей над другими по каким-то параметрам, например, превосходство конечных («терминальных») целей над промежуточными («инструментальными»), или групповых (этнических, конфессиональных, кастовых, сословных, классовых, общегосударственных и т. д.) над индивидуально-личными, альтруистических над эгоистическими, религиозно-мистических над повседневно-бытовыми и т. п. Даже в этом случае мы, оставаясь в пределах логики, все равно были бы *не* вправе ссылаться на указанный факт (логической обоснованности превосходства одних целей над другими по определенным признакам) как на *достаточное логическое основание* для требований от индивида того, чтобы он отказался от своих прежних («второсортных») устремлений в пользу иных, более достойных, целей. И дело заключается не только в том, что нечто, превосходя другое в одном отношении, может уступать ему в ином. Важнее то, что *логически* люди *вообще не обязаны делать что бы то ни было* (например, одни цели предпочитать другим) только на том основании, что мир (бытие) устроен определенным образом, например, устроен так, что одни его элементы (некоторые человеческие цели) по определенным признакам отличаются от других (превосходят их или уступают им). Субъективные предпочтения, целевые установки людей согласно «принципу Юма» свободны: они не обязаны подстраиваться под некоторое, пусть даже и достоверно известное, состояние бытия; человеческие предпочтения не обязаны, к примеру, быть транзитивными или быть вообще. Таким образом, используя одну только рациональную, логически корректную, аргументацию, было бы невозможно не только вынудить другого человека самому изменить свою первоначальную целевую мотивацию (в пользу иных, например, кем-то для него предлагаемых в качестве более достойных реализации, целей), но и хотя бы предъявить ему – от имени логики – само это требование.

Итак, не рациональная аргументация, а причудливая идеологическая помесь эмоциональной патетики, метафизических откровений, морализаторских причитаний и крайне недалекой (в смысле протяженности цепочки логически прослеживаемых последствий принимаемых человеком решений) прагматики бывают способными настолько деформировать сознание индивида (порою – и крупных социальных групп, сословий, классов, даже интеллектуальной элиты), что, приняв навязанные извне цели за свои истинные, он, забыв о собственных интересах, начинает жертвенно служить интересам чужим. Что же касается разума, то приведенные выше рассуждения уже позволяют сделать вывод о, как минимум, его *не-враждебности* человеку: не помогая своими (логическими) средствами формированию тех корыстных намерений субъекта, для реализации которых ему потребовалось бы пытаться манипулировать сознанием и поведением другого индивида, разум также и не предоставляет в распоряжение «злоумышленника-манипулятора» своих логико-аргументативных ресурсов, необходимых тому для успешной реализации его неблагоприятных и антигуманных целей. Тем самым разум встает (пусть даже непреднамеренно, а просто в силу своей логической организации) на охрану суверенных прав индивида на свободное от внешних посягательств целеполагание: такие посягательства становится невозможным осуществлять, по крайней мере, с помощью рациональных, логически корректных, аргументов. Впрочем, самое главное заключается даже не в этом. Важнее то, что, помимо способности разума выполнять *антропологически охранительную* функцию, некоторые особенности когнитивного процесса позволяют ему проявить свою «дружественность» человеку и более непосредственным образом, напрямую оказывая такое влияние на мотивационно-целеполагающую активность индивида, которое закрепляло бы и усиливало естественную склонность последнего к самосохранительному поведению.

Будучи рефлексивным по своей природе, разум побуждает человека, стремящегося к рациональной организации своей деятельности, предпринимать усилия по выяснению того, насколько эти стремления оказываются состоятельными, насколько велика достигаемая степень рациональности осуществляемой им деятельности. Если речь идет о деятельности познавательной, то логически это означает необходимость познающему субъекту рассуждать только с соблюдением довольно строгих требований. Так, стремясь дать каузальное объяснение (обоснование) некоторому

событию q (социальному явлению, поступку другого человека, собственным планируемыми действиями и т. п.) и ссылаясь в этой связи на некоторое обстоятельство p , обусловившее событие q (оказавшееся логическим основанием истинности утверждений о q), познающий субъект тем самым оказывается в ситуации, которая требует от него обоснования того, что событие (факт) p является не только необходимым, но и *достаточным* условием (основанием) события (факта) q . Только доказав достаточность выявленного им условия (причины) объясняемого факта (события), человеческий разум смог бы счесть свою работу успешно выполненной, получил бы возможность удостовериться в предельной эффективности собственных познавательных усилий и удовлетвориться осознанием полной рационалистичности (аргументативной убедительности) своих объяснений. Однако залогом осуществимости данной задачи, то есть доказуемости того, что p есть *достаточное* условие (основание) q , является доказуемость способности q в свою очередь быть *необходимым* условием p . « P есть достаточное условие q , если и только если q есть необходимое условие p » [2, 77]¹. И чем более длинным окажется последовательный ряд событий (фактов) q , предположительно обусловленных обстоятельством p , тем с большей вероятностью окажется истинным (хотя бы – субъективно правдоподобным) заключение о том, что эта гипотеза верна и q действительно обусловлено именно p ².

¹ Подчеркнем, что q в нашем случае может выступать только в качестве *необходимого*, но не *достаточного* условия p , иначе q , подобно Спинозовой субстанции, окажется достаточным и в иных причинах не нуждающимся условием собственного существования, а человеческое знание о нем – интуитивно достоверным, аксиоматически самоочевидным и не нуждающимся вообще ни в каком специальном обосновании. Вместе с тем, *необходимым* условием (основанием, причиной) для p –факта каузально обусловленный последним факт q быть все-таки обязан: логически причина нуждается в следствии, чтобы стать собою, суметь реализовать свою функцию причины (условия). Аналогично и в семантическом отношении: невозможно быть условием чего-то неопределенного (неизвестного или вовсе не существующего), т. е. того, что не позволяет себя с определенностью идентифицировать (и, если речь идет об объектах материального мира, фактуально верифицировать). «Ничто» (или нечто неопределенное, не идентифицируемое) ни в чем не нуждается и ничего в свое оправдание (обоснование, каузальное объяснение) не требует! Понимание, условием (причиной) чего же именно, какого q , является факт p , входит в определение самого факта p .

² Пока выявленный (эмпирически зарегистрированный) q –ряд следствий остается конечным, гипотеза о том, что он обусловлен именно причиной p , остается только гипотезой, а не окончательной истиной: в противном случае наше умозаключение обрело бы форму неправильного модуса условно-категорического силлогизма ($(p \rightarrow q; q) \Rightarrow p$, что неверно). Отдельной проблемой является вопрос: не превращается ли этот

Пытаясь же выполнить последнее требование, субъект познания порою сталкивается с проблемой, драматизм которой, не столь очевидный в общелогической её постановке, сразу проявляется, когда дело доходит до познавательной практики (особенно – практики исторического познания). Наши факты (события) p и q могут быть разведены (и разведены далеко) во времени: прогнозируемые исторические события, ожидаемые действия других людей, планируемые индивидом собственные поступки q могут быть в реальном мире ещё не состоявшимися на момент выдвижения гипотезы об их каузальной обусловленности некоторым фактуальным обстоятельством p^1 . В этом случае высказанную гипотезу логически строго (даже сколько-нибудь правдоподобно, субъективно убедительно) обосновать не получится; не получится до тех пор, пока познающий субъект не сумеет дожидаться фактического наступления ожидаемых (предполагаемых, планируемых) событий q и воочию убедиться, что они в действительности таковы, каковыми были спрогнозированы. Если исходить из того, что факт (событие) p – не единственный возможный во вселенной, что он находится в конкретно-ситуативном (порой весьма причудливом!) сочетании с другими фактами (событиями), *заранее* знать (тем более знать

неправильный модус в логически приемлемый, если функцию обуславливаемого q будет выполнять не единичный факт (событие), а все бесконечное и при этом актуально выполненное (перебранное, пересчитанное) множество событий, заполняющих оставшуюся после события p часть истории Вселенной? Данный вопрос, равно как и смежный вопрос «приводит ли увеличение длины перебранного (пересчитанного) q -ряда фактов, предположительно обусловленных фактом p , к повышению коэффициента вероятной истинности данной гипотезы или только к увеличению степени ее субъективной правдоподобности?», не имеет однозначного решения. Решение это зависит от «металогических», содержательных, допущений об особенностях каузального устройства бытия вообще: от того, в частности, понимаем ли мы причинно-следственную связь как непрерывно-линейную или как прерывно-ветвящуюся, рассматриваем ли мы «вероятность» как категорию сугубо гносеологическую, характеризующую лишь состояние наших знаний о мире, или как категорию онтологическую, выражающую особенности объективной каузальной организации самого мироздания. Впрочем, будучи чрезвычайно важными и интересными сами по себе, перечисленные вопросы не являются непреодолимой преградой для решения поставленных в настоящей работе задач. В нашем случае приемлемым был бы уже «слабый» вариант решения: если некоторая модель рассуждений, в отличие от альтернативных, повышает хотя бы правдоподобность получаемых заключений, то руководствоваться ею для познающего субъекта было бы рациональным решением, отказаться от нее – иррациональным.

¹ Разумеется, в мире виртуальном, ментально конструируемом, эти факты (события) существовать обязаны; в противном случае никакую гипотезу об их каузальной обусловленности чем бы то ни было оказалось бы невозможно разработать, да и сформулировать вообще.

наверняка), к каким именно последствиям это сочетание приведет и какое именно из возможных следствий будет обусловлено (причем с необходимостью и достаточностью) каким именно причинным фактором (*p* или иным), невозможно. В этой связи у познающего субъекта появляется – в дополнение к физиологическому инстинкту самосохранения – еще и *когнитивная заинтересованность* в том, чтобы жить и жить как можно дольше. Во всяком случае – столь долго, сколько понадобилось бы ему для того, чтобы успеть дожидаться появления и проследить весь (возможно, бесконечно длинный) ряд ожидаемых и могущих быть интерпретируемыми в качестве подтверждающих *p*-гипотезу фактов (событий) *q*.

Стремясь (сообразно своей рефлексивной природе) быть как можно более разумным и знать, насколько успешно это стремление ему удастся реализовать, становясь тем самым судьей в собственном деле, наш разум обретает в этом деле и свой особый интерес (интерес, правда, весьма благородный и бескорыстный, репутацию судьи только украшающий), который заключается в том, чтобы быть уверенным (и готовым эту уверенность дискурсивно обосновать) в правосудности (разумности и справедливости) принимаемых им по делу решений, а следовательно – в том, чтобы жить и работать на своем судейском посту столь долго, сколько понадобилось бы для окончательного прояснения сути разбираемого дела, для вынесения и убедительного (хотя бы для самого судьи) обоснования вынесенного приговора. И точно так же, сколь странно и опрометчиво было бы для вынесшего приговор судьи уйти в отставку, даже не узнав, вступил ли его приговор в законную силу (а чтобы убедиться в разумности и справедливости назначенного преступнику наказания пришлось бы ждать еще дольше, пока не прояснилось бы, стал ли тот по отбытии наказания добропорядочным гражданином), сколь непоследовательно и неразумно было бы для ученого-естествоиспытателя, разработавшего методику эмпирической проверки выдвинутой им гипотезы, «сходить с дистанции» до завершения проверочного эксперимента, столь же и для человеческого разума было бы делом крайне иррациональным, противоречащим его собственным когнитивным интересам заканчивать мыслительную работу (тем более, заканчивать её бесповоротно, вместе с жизнью своего материального носителя – человека) ещё до того, как указанная работа логически была бы завершена. По этой причине любые дискриминационные, ухудшающие условия познавательной деятельности человека, требования к нему со стороны других индивидов, церкви, государства и иных политических организаций или институтов культуры

(тем более любые обращенные к человеку призывы пожертвовать собой во имя неких «Высших Целей», «Идеалов» и «Абсолютных Ценностей»), какими бы экспрессивными риторическими возгласами и «барабанным боем» они ни сопровождались, разумом этого человека вынуждены рассматриваться не просто как *не*-рациональные (то есть логически слабо или неправильно аргументированные), а (что гораздо сильнее!) как *анти*-рациональные, как *контр*-рациональные, то есть как содержательно противоречащие собственным когнитивным интересам разума (которые совпадают в данном случае с естественными потребностями его носителя – человека – в дальнейшем продолжении жизни, причем продолжении, достаточно комфортном для полноценной умственной деятельности).

Итак, оставаясь согласно определению его придирчивых критиков «инструментальным», т. е. предназначенным быть ментальным инструментом именно целедостигающей человеческой деятельности, разум, несмотря на всю свою «инструментальность», выказывает свою изначальную дружественность человеку. Выказывает он её не только тем, что отказывается быть удобным и эффективным орудием манипулирования сознанием и поведением индивида, но и тем, что, подкрепляя и усиливая естественную жизненную установку человека на самосохранение, еще и предоставляет в его распоряжение те свои логические ресурсы, которые необходимы для разоблачения нередко антигуманного содержания обращенных к этому человеку со стороны общества требований и призывов, а следовательно, для успешной и логически корректной дискурсивной самозащиты (контраргументации).

Таким образом, несмотря на бесспорную справедливость упреков осуществляющему по строгим логическим правилам свою мыслительную и дискурсивно-коммуникативную деятельность человеческому разуму в познавательном *не*-всемогушестве, методологической *не*-универсальности, и вопреки столь популярным в современной философской литературе страстным инвективам в адрес «антропологической репрессивности», «инструментальности» и «антигуманности» рационально организованного мышления, «гуманизм» и «рационализм» (если брать эти понятия в привычной и для данной работы парадигмальной трактовке, которая не отнимает у человека ничего, даже права на самопожертвование, коль скоро таков был бы его собственный, свободный и осозанный выбор) оказываются не только совместимыми, логически не противоречащими друг другу регулятивными принципами, но и, более того, принципами содержательно пересекающимися,

находящимися в логически не случайной, а необходимой, семантически релевантной связи между собой.

Последний тезис (обоснование которого и составляло задачу настоящей работы) многое объясняет в исторической жизни человечества. Так, например, он позволяет понять, почему во все времена (в том числе и в те, которые явно не предрасполагали человека к интенсивному развитию и публичной демонстрации своих интеллектуальных способностей), *разумность*, равно как и *свобода* (обе взятые, разумеется, в исторически конкретном их социальном наполнении), выступали неперенными атрибутами человеческого достоинства и, пусть даже оставаясь прерогативой социальной элиты, признаком вхождения в статусно привилегированную группу, хотя бы в таком качестве «по умолчанию» допускались к индивидуально-личному культивированию вопреки господствовавшим иррационалистическим и нонлиберальным ориентациям официальной культуры. Что еще важнее, доказуемость тезиса о логической совместимости, смысловой родственности принципов рационализма и гуманизма сама является весьма убедительным свидетельством того, что исторически различные модели организации общественной и культурной жизни человечества являются *рационально соизмеримыми* на предмет наполненности их гуманистическим содержанием. О гуманистических ценностях и идеалах, о культурно-историческом прогрессе совсем не обязательно вести речь исключительно на языке оценочно-вкусовых сентенций: они могут быть предметом и вполне рациональных, логически правильных, доказательных рассуждений. Такие рассуждения могут оказаться и содержательнее, и теоретически интереснее многих иных, пусть и риторически изящных, построений, выдержанных в духе культурно-исторического релятивизма, которые, вольно или невольно, открывают дорогу, ведущую к оправданию как антигуманизма, так и иррационализма одновременно.

Литература

1. Вригт Г. Х. *фон*. Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 290–410.
2. Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 35–242.

3. Вригт Г. Х. фон. О логике норм и действий // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 245–289.
4. Ивин А. А. Логика норм. Москва: Изд. МГУ, 1973. 122 с.
5. Мамардашвили М. К. Форма превращенная // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Москва: ИФ АН СССР, 1970. С. 386–387.
6. Соколов А. С. Социально-онтологические проблемы и направления в классической и марксистской философии. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
7. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–40.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: С-Э Мысль, 1965. С. 77–810.

REFERENCES

1. Vright G. Kh. fon. Normy, istina i logika [Norms, Truth and Logic] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 290–410.
2. Vright G. Kh. fon. Ob"yasnenie i ponimanie [Explanation and Understanding] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 35–242.
3. Vright G. Kh. Fon. O logike norm i deystviy [On the Logic of Norms and Actions] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 245–289.
4. Ivin A. A. Logika norm [Ivin A.A. A Logic of Norms]. Moscow: MGU, 1973. 122 p.
5. Mamardashvili M. K. Forma prevrashchennaya [Turned Form] // Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. [Philosophical Encyclopedia]. T. 5. Moscow: IF AN SSSR, 1970. Pp. 386–387.
6. Sokolov A. S. Sotsial'no-ontologicheskie problemy i napravleniya v klassicheskoy i marksistskoy filosofii [The Problems and Directions of Social Ontology in Classic and Marxist's Philosophy]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 340 p.
7. Khabermas Yu. Ponyatie individual'nosti [Hubermas Ju. The Concept of Individuality] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 1989. № 2. Pp. 35–40.

8. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode [Treatise of Human Nature] // Yum D. Soch.: v 2 t. [Hume D. Writes]. T. 1. Moscow: Mysl', 1965. Pp. 77–810.

THE IMAGINARY INCONSISTENCY BETWEEN
THE LOGICAL-ARGUMENTATIVE AND CULTURAL-
ANTROPOLOGIC FOUNDATIONS OF DISCURSIVE
COMMUNICATION. «RATIONALISM» AND «HUMANISM».
(PART 2)

Andrey S. Sokolov

*PhD of Sciences (Philosophy), Docent of Department
of Sociology and Social Service, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)*

Abstract

The article deals with some issues of linguistic pragmatics that are not yet carefully elaborated in the scientific literature. The author touches on the problem of innate coherency of such fundamental regulatory principles of discursive communication as "rationalism" and "humanism". How indelibly contradictory is their interconnection? Is it necessary that a rationally well-organized, logically correct and pragmatically effective (due to its highly argumentative persuasiveness) type of discourse has inevitably to be flawed, inhumane and discriminatory in ethic and anthropologic aspects to the interests of its addressee, and the impeccable from a moral and humanistic point of view discourse has to be a logically loose, weakly convincing and ineffective for achieving the subjective goals of the speaker? Is a human mind by its own nature only an ethically neutral tool of achieving any, including openly egoistic, immoral and inhumane goals of the subject using it? Is it only an instrument of manipulative impact on the communication partner, or, due to some of its attributive logical features, this mind itself necessarily imposes sufficient and unrecoverable restrictions on the goals of its communicative use, at the same time turning a rationally organized and pragmatically effective way of building discursive communication into a non-discriminatory one for all its participants and, respectively, quite humane and ethically impeccable.

The analysis of the most common models of interpersonal discursive communication (tentatively named as «Ethical», «Metaphysical» and «Rational») leads the author of this article to the conclusion about the fundamental inescapable friendliness of its rationally organized model for human beings, about the low effectiveness of human Ratio as an instrument of immoral manipulative pressure on the social partner,

and about its explicit capacity to be a reliable bulwark of existential human originality and dignity, an effective tool for protecting the inalienable rights and personal interests of the individual, who skillfully uses it.

Keywords: humanism, rationality, argumentation, discourse, communication

Для цитирования: Соколов А. С. Мнимая противоречивость логико-аргументативных и культурно-антропологических оснований дискурсивной коммуникации. «рационализм» и «гуманизм». (Часть 2) // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 75–89.

Поступила в редакцию 17.08.2021